УДК 81`27

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-74-84

РУССКИЙ ЯЗЫК: ПОКИДАЯ XX ВЕК (ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ СОЦИОЛИНГВИСТА)

Дуличенко А. Д.*Тартуский университет**50090, г. Тарту, Юликооли, д. 18, Эстония*

Аннотация. В статье рассматривается проблема бытования русского языка в конце XX в. на фоне социокультурных и политических изменений в обществе. Автор выделяет три основных лексических цикла в формировании коммуникативного портрета эпохи. Изменение внешнего облика языка связано с процессами, которые получили в XX столетии наибольшее развитие: кодирование и кодификация; перекодирование – декодификация – новая кодификация и др. Отмечается возросшая роль административно-территориальной подпарадигмы русского языка в создании новых речевых моделей. Автор подчёркивает, что XX в. повлиял на смену языкового знака. Разбирается вопрос социолингвистического статуса русского языка в дореволюционный период, в советское и постсоветское время. Говорится о потерях позиций русского языка в конце XX столетия. Отмечается его роль в трансэтническом пространстве постсоветской России. Делается вывод о перспективах использования русского языка в Западной Европе.

Ключевые слова: социолингвистика, кодификация и декодификация языка, смена языковых парадигм, трансэтнический язык, глобализация, история культуры

RUSSIAN: LEAVING THE 20TH CENTURY (FROM OBSERVATIONS OF A LINGUIST)

A. Dulichenko*University of Tartu**18 Ülikooli, 50090 Tartu, Estonia*

Abstract. The article deals with the problem of the existence of the Russian language at the end of the 20th century against the background of socio-cultural and political changes in society. The author identifies three main lexical cycles in the formation of the communicative portrait of the epoch. The change in the appearance of the language is associated with the processes that have received the greatest development in the 20th century: coding and codification; recoding – decodification – new codification, etc. The increased role of the administrative-territorial sub-paradigm of the Russian language in the creation of new speech models is noted. The author emphasizes that the 20th century influenced the change of language sign. The article deals with the problem of the sociolinguistic status of the Russian language in the pre-revolutionary period in the Soviet and post-Soviet times. The author says about the loss of the position of the Russian language at the end of the 20th century. Its role in the trans-ethnic space of post-Soviet Russia is noted. The author makes conclusions about the prospects of using the Russian language in Western Europe.

Keywords: sociolinguistics, language codification and decodification, change of language paradigms, trans-ethnic language, globalization, cultural history

Имя филолога-слависта Н. А. Кондрашова хорошо известно не только российским, но и иностранным учёным, воспитывавшимся ещё в традициях старой советской школы. По его учебникам

«Славянские языки» [3] и «Общее языкознание» [7; 8] изучали основы лингвистической науки. Он смог привить своим читателям увлечённость языками, уважительное отношение к традициям и куль-

турам других народов. Н. А. Кондрашов особенно был внимателен к истории славистики и выпустил на эту тему ряд книг и множество статей (см., например: [5]), начиная с такого интересного и необычного для тех лет жанра филологических портретов О. М. Бодянского [4] и Р. Ф. Брандта [6] и завершая лингвометодическими пособиями о жизни и деятельности И. И. Срезневского [9] и В. Н. Татищева [11]. В них он не замыкался на вопросах сугубо языковедческих, а решал многие острые общественно-политические, социокультурные проблемы становления и развития славянских языков. Профессор Н. А. Кондрашов не мог, конечно, тогда писать откровенно о микроязыках и размышлять о спорных фактах из истории советской лингвистики. Это время – открытий и разоблачений – пришло позже. Но он долгие годы находился в центре самых важных событий европейской лингвистики: отлично знал Пражский кружок [16] и дружил со многими славистами из Чехословакии, Польши и других стран, несколько лет работал в редакции нового журнала «Вопросы языкознания» и по сути был правой рукой академика В. В. Виноградова в славянских делах (см. подробнее о этом: [15]). Широта знаний Н. А. Кондрашова поражала всех, кто хоть однажды сталкивался с ним. Достаточно было двух-трёх слов, и становилось ясно, что перед тобой стоит необычный человек – СЛАВИСТ большой научной школы, знаток многих языков, архивист, историк науки и просто живой ироничный человек.

Представляемые далее размышления по поводу ушедшего XX века в какой-то мере решают и те вопросы, к которым только подступал Н. А. Кондрашов в своих работах, говоря, например, о проблемах пуризма [10] или калькирования [12]. Сквозь призму языковых процессов он видел социальное лицо слова, переживал за его настоящее и будущее и, наверное, мечтал о том, чтобы культура филологического знания победила невежество, лицемерие в науке. Он учил нас ещё и этой – нравственной стороне языкознания.

В 2011 г. в Польше вышел наш объёмный труд «Основы славянской филологии», во втором томе [1] которого мы как раз и коснулись лингвистической проблематики (глотогенез, принципы классификации языков и их современное деление, славянская микролингвистика, утраченные языки и перспективы развития живых славянских языков и др.). Затем, в 2015 г., уже в России вышло наше новое учебное пособие «Введение в славянскую филологию» [2], которое теперь доступно преподавателям и студентам, желающим глубже изучить и понять эту науку: от её истоков до современных этно- и социолингвистических проблем.

Славистика в XXI веке – одна из самых актуальных поликультурных дисциплин. Она сейчас находится на самом острие противоречивых вопросов исторического, экономического, политического развития европейских стран, пропитанных с давних времён языками и диалектами народов, чья биография продолжается в компьютерный век. Давайте попробуем оглянуться немного назад и посмотреть, какие вызовы ждут русский язык в XXI в. Об этом свидетельствует совсем недавняя история. Мы покинули XX столетие снова на переломе духовных и социальных устоев, но его уроки должны помнить.

Окинуть взглядом столетие, спроецировав его (взгляд) на вековую судьбу языка, не так просто. Однако это необходимо сделать для того, чтобы за выявляемыми особенностями конкретных процессов увидеть, с одной стороны, пройденный языком путь в целом, с другой – зафиксировать стратегическое движение языка и его составляющих вперёд.

Поднимаемый вопрос подразумевает рассмотрение по крайней мере двух аспектов *внутреннего* (resp. интралингвального), где речь должна идти о состоянии и развитии именно языковой системы, и *внешнего* (resp. экстралингвального), касающегося социолингвистических при-

знаков языка (расширение или сужение функционального спектра, соотношение с другими языковыми ситуациями и т. д.), при этом мы коснёмся лишь некоторых, но весьма существенных вопросов.

Хорошо известно, что языковые уровни изменяются неравномерно. Если фонетический и морфологический освежаются новыми элементами и отношениями или же что-то утрачивают незаметно и в длительной протяжённости во времени, то лексический уровень можно считать полной им противоположностью. Это, так сказать, «многострадальный» уровень практически любого языка: лексический стержень (так наз. основной словарный фонд) в целом в нём сохраняется веками, в то время как другие лексические пласты находятся в постоянном движении: составляющие их единицы уходят и приходят, сталкиваются, конкурируют или мирно соседствуют десятилетиями и искрами ярко вспыхивают или, напротив, незаметно бледнеют, а затем и угасают вовсе и т. д. Прежде всего именно этот уровень показывает нам, как живёт язык и куда он идёт в своём движении.

Если отталкиваться от лексического уровня, то можно с большой долей уверенности утверждать, что в течение XX в. процесс лексического покрытия общества, говорящего по-русски, прошёл, по крайней мере, три основных цикла:

а) доживающий дореволюционный цикл – до начала XX в. (конкретно до 1917 г.), когда лексикой были закодированы тогдашние социальные отношения, что выражалось в стабильности их использования и в наличии достаточно строгой кодификации, закреплённой словарями, а также узусом (практикой принятого употребления);

б) господствующий советский цикл – XX в. (20–80-е – начало 90-х гг.), когда было произведено перекодирование дореволюционной действительности (новые институты и социальные отношения новые слова) и одновременно с этим проведена декодификация «старой» (resp. дореволюционной) лексики, после чего последовала

постепенная кодификация новой, вылившейся в огромную по количеству лексическую парадигму, известную как советизмы, большинство из которых отражает социальную сферу; особенно это было заметно в лексикографии [14];

в) зарождающийся постсоветский цикл – конец XX в. (с 90-х гг.), когда вновь было произведено декодирование теперь уже советской действительности новыми или возрождёнными знаками и одновременно с этим проведена декодификация советской лексики и постепенная кодификация нового образца. Процесс декодификации советской лексики ещё в 1994 г. в монографии «Русский язык конца XX столетия», а затем и в последующих публикациях мы предлагали называть лексической десовиетизацией.

В пределах трёх названных циклов в течение одного столетия проводились и социально стимулировались следующие процессы, касающиеся не только лексики, но в известной степени и других уровней русского языка: *дореволюционный цикл*: кодирование и кодификация; *советский цикл*: перекодирование – декодификация – новая кодификация; *постсоветский цикл*: перекодирование – декодификация – новая кодификация.

Этот вихрь сменяющих друг друга кодирований и перекодирований, кодификаций и декодификаций обрушился на многие поколения носителей русского языка. На языковое сознание русского человека в XX в. легла огромная нагрузка, потребовавшая не только словесной «переучки», но и психологической переориентации (прежде всего в связи с переоценкой социальных ценностей). Социальное экспериментирование, таким образом, давило и продолжает давить на людей не только физически и морально, но и посредством языковых знаков – ср. ту нагрузку, которую выдерживаем мы ныне, когда вынуждены метаться между «товарищами» советского времени и «господами» времени дореволюционного и нынешнего, каждый раз сомневаясь и мучительно решая, как же обратиться к официальному или иному лицу!

Какие же испытания пережил в XX в. «многострадальный» уровень языка, который в первую очередь был вовлечён в социально стимулируемые процессы кодирования и декодирования действительности? И как влияли на него переходы от одного социального цикла к другому, т. е. от дореволюционного к советскому, от советского к постсоветскому?

Лексический уровень русского языка на протяжении XX в. пережил глобальный процесс, который мы бы назвали сменой лексических парадигм. Речь идёт о том, что каждый из названных циклов формировал свой особый пласт лексики, отражавший соответствующие социальные отношения. Исходя из этого, в XX в. можно выделить три важнейшие лексические парадигмы – дореволюционную, советскую и постсоветскую. Заявленную идею о смене лексических парадигм удачнее всего проиллюстрировать на примере огромнейшего пласта, который мы называем социально чувствительной лексикой. Это прежде всего номенклатурная лексика, активно реагирующая на социальные перемены:

меняются социальные институты и отношения – и это непосредственным образом отражается на состоянии языковых знаков (слов и устойчивых выражений), обозначающих эти институты и отношения. В то же время с такой лексикой в реальной жизни связан каждый человек, поскольку в подпарадигме социально чувствительной лексики отражаются наименования учреждений, в которые вынужден обращаться гражданин, должностей в управленческом аппарате и т. д.

Показательна в этом плане административно-территориальная лексическая подпарадигма, прошедшая в русском языке три указанных цикла и демонстрирующая последовательную смену этих подпарадигм. Здесь реализуется модель смены языкового знака (слова или устойчивого выражения, по значению приближающегося к слову) *при сохранении референта* (т. е. того, что стоит за языковым знаком, за словом). Поскольку парадигма велика по количеству составляющих её компонентов, приведём в качестве образца только территориальную номенклатурную серию (см. табл. 1):

Таблица 1

Административно-территориальная лексическая подпарадигма

Действительность		
дореволюционная	советская	постсоветская
губерния/область →	область/край →	область/край
↓	↓	↓
уезд →	район →	район
↓	↓	↓
волость →	сель[ский] совет →	сельский округ

В формировании данных лексических рядов, расположенных по вертикали, есть противоречия. Это касается как советской, так и постсоветской парадигм: в советской к территориальным наименованиям было подсоединено наименование административное – ср. *область / край – район*, но – *сельсовет*, в то время как и в постсоветской территориальной парадиг-

ме противоречие обнаруживается при её объективно-необходимом расширении в направлении парадигмы административной, – ср. *область / край*, но сначала *глава областной / краевой администрации*, а в последнее десятилетие-полтора – *губернатор* при отсутствии даже намёка на возвращение *губернии* (в чём, видимо, заслуга также русской литературы, бичевавшей

губернскую жизнь и её порядки, что создало и в советское время негативный образ *губернии*!). Интернационализм *район* в советской и постсоветской парадигмах заменил русский *уезд*, с одной стороны, из стремления новой власти интернационализировать революционный процесс начиная с 1917 г. (для чего более всего подходили именно лексические интернационализмы, или европеизмы), с другой стороны, за *уездами* также закрепились негативные коннотации с дореволюционного времени в виде «захолустье» и под. Под этот социально управляемый процесс смены языковых знаков попала и *волость*.

Между тем хотим напомнить, что дореволюционные *уезд* и *волость* (и не только они) в 90-е гг. XX в. были возвращены к жизни, однако не в метрополии, а в некоторой части, так сказать, «внероссийского» пространства русского языка, которое сформировалось в результате развала Советского Союза в 1991 г. Так, во «внероссийском» русском языке Эстонии возрождена и используется в русских СМИ и в русской среде не только дореволюционная русская (российская) территориальная, но и административная лексическая парадигма (представим их компоненты в одной таблице вместе), ср.:

Таблица 2

**Территориально-административное деление русского языка метрополии
и «внероссийской» подпарадигмы**

русский язык метрополии	«внероссийский» русский язык (Эстонии)
сельский округ	волость
район	уезд
глава (округа)	староста (волости)
мэрия	горуправа
мэр	городской голова
полиция	милиция
полицейский	милиционер
канцлер...	– ...

Подобное развитие лексических парадигм демонстрирует некоторую регионализацию русского языка вне метрополии, которая отражается и на других лексических парадигмах, а также на других уровнях языка, начиная с элементов синтаксического калькирования и кончая попытками редуцировать морфологию типа Валентина Иванов, Иветта Петров или Жоржета Могилевски. Совершенно очевидно, что регионализация русского языка за пределами метрополии – явление теоретически важное, но периферийное по своей сути и связанное с местной языковой ситуацией и соответствующей ей языковой политикой. Регионализация не может далеко и глубоко зайти, потому что современные электронные средства связи просто не дадут распасться языку.

Ослабление грамматики заметно в постсоветское время и в метрополии. Однако эти вопросы мы бы здесь детально не рассматривали.

Как видим, внутриязыковой аспект русского языка, рассмотренный нами на примере одного уровня, показывает, как важно видеть и устанавливать не только локальные, но и глобальные процессы и тенденции в движении языка. А теперь обратимся к некоторым социолингвистическим аспектам русского языка XX в.

Социолингвистический статус русского языка, если его рассматривать в парадигматической плоскости, прошёл те же самые три стадии.

В дореволюционное время это был государственный язык Российской империи, обязательный на всей территории страны.

Другие языки империи, их письменность и функционирование развивались параллельно, хотя целенаправленной языковой политики, как представляется, – а вопрос этот до сих пор слабо изучен – не проводилось (что, правда, не исключало тех или иных запретов по отношению к некоторым языкам, – ср., например, ситуацию с украинским языком, официально удерживавшимся долгое время в статусе наречия русского языка (ср. высказывания академика А. А. Шахматова в конце 1910-х гг.: [18]). Скорее всего, большая часть забот по сохранению и развитию других языков была отдана самим носителям. Не забудем также, что владение письмом и литературным языком в дореволюционной России по большей части носило социально узкий характер.

Революция 1917 г. резко изменила языковую ситуацию, что проявилось в так наз. языковом строительстве в 20–30-е гг. Десятки ранее бесписьменных языков получили письменность, шла работа по созданию для них литературных норм, старые письменные языки обновляли нормы и расширяли свой функциональный спектр. Это достаточно хорошо известная страница в истории СССР и в социолингвистике. Ощутимо помешал этому процессу демократизации наметившийся с конца 20-х, а особенно в 30-е гг. директивно-централизаторский подход к вопросам этнического и языкового строительства, в результате чего письменности переводились с арабской на латинскую графику, а затем на кириллицу либо с латиницы на кириллицу. К тому же «кто-то» решил, что не обязательно на всех языках должна строиться новая культура, потому волюнтаристско-административным путём многим языкам вскоре отказали в письменности.

В СССР русский язык по объективным причинам становился языком межнационального общения и в то же время реальным государственным языком, хотя признать за ним статус государственного языка боялись, так как в публицистических работах В. И. Ленина ещё

дореволюционного периода понятие государственного языка окутывалось только негативными коннотациями. В многонациональном государстве, само собою разумеется, единый государственный язык просто необходим – этого требует единый экономический (синоним-советизм: народнохозяйственный) организм, армия и т. д. Русский язык с успехом выполнял, выражаясь бюрократическим языком, возложенные на него обязанности и функции, что способствовало его широкому распространению за пределами исконного русскоязычного пространства СССР. Достойно сожаления, что в советское время ни руководство страны, ни социолингвисты глубоко не входили в языковые отношения и проблемы многоязыкового государства, – скорее наоборот, они почти не опускались с директивно-пропагандистского уровня «на землю». Отсюда главная ошибка советской социолингвистики, которая почти как заклинание бесчисленно раз повторяла клише «об окончательном решении этноязыковых проблем в СССР». А раз так, то и не имеет смысла глубоко «копаться» в реальной языковой жизни общества. Такая позиция привела в конечном счёте к тому, что русский язык в значительной степени закрыл собою перспективу другим языкам, что проявлялось в недостаточном внимании к ним или игнорировании их в тех или иных сферах жизни. «Прорыв» этой болезни проявился в так наз. «перестройку» второй половины 80-х–начала 90-х гг. XX в., которая не только не решила назревшие проблемы языковой жизни СССР, но и разрушила саму страну, принеся этим неисчислимые страдания миллионам людей.

Достойно большого сожаления, что «социолингвистика перестройки» не получила всестороннего отражения ни в языкознании, ни в русистике конкретно, – по крайней мере, до сих пор серьёзных синтезированных публикаций на эту тему нет. Именно на рубеже 80-90-х гг. языковые проблемы вышли на поверхность, и о них могли уже высказываться откры-

то. Эта бурная история нашла отражение в нашей книге «Этносоциоллингвистика 'перестройки' в СССР. Антология запечатленного времени»¹, в которой почти на 600 страницах представлены свидетельства того периода, в том числе дискуссии о статусе и судьбе русского языка.

На закате советской эпохи, в «перестройку», стала формироваться так наз. юридическая социоллингвистика, стержнем которой стали законы о языке, – жанр, по существу неизвестный ранее советской социоллингвистике (ср.: [13]). Сначала был принят закон о языках СССР, потом такие законы стали разрабатываться и юридически утверждаться во всех республиках страны. В России русский язык, наконец-то, был объявлен государственным, наряду с которым в автономиях статус государственных (т. е. реально – республиканских) получили и собственные языки. Россия «покрылась» государственными (не республиканскими!) языками. В большинстве бывших союзных республик, ставших самостоятельными государствами, в лингвистических законах утверждены государственными собственными языки, в то время как русский язык был вытеснен из этого уровня и переведён в «другие языки», в «языки национальных меньшинств», в «иностранные языки» и проч. Правда, в некоторых из них русскому придан статус официального, межнационального, а позднее в Белоруссии и Киргизии он получил и статус государственного наряду со своими языками.

Какова же постсоветская социоллингвистическая парадигма русского языка, формирующаяся с 90-х гг. XX в.? Она состоит из потерь и, как это ни удивительно, из приобретений или так или иначе удерживаемых позиций.

Если говорить о потерях, то они связаны с постсоветским нероссийским пространством. Из них следует указать на:

1) сократившееся пространство его официального использования;

2) объективное разделение государственными границами и тем самым отчуждение, в том числе и носителей, от языковой метрополии;

3) юридически не закреплённый статус в ряде бывших советских республик с проживающими там носителями языка;

4) сократившееся пространство обучения и знания русского языка в рамках бывшего «социалистического содружества»;

5) сократившееся число пользовавшихся русским языком;

6) сужение в ряде ситуаций вне метрополии его функционального спектра;

7) а вместе с этим и ослабление жанрово-стилистических характеристик (в местной публицистике как-то отражается, а, скажем, в официально-деловом стиле не употребляется вообще и т. д.);

8) некоторая тенденция к его регионализации (см. выше) и некот. др.

Если говорить о признаках, вселяющих надежду, то можно было бы отметить следующие:

1. Русский язык был и остаётся трансетническим языком огромного региона, называемого Евразией, о чём писал с оптимизмом ещё в 20-е гг. XX в. Н. С. Трубецкой (см. подробнее: [17]).

2. Таким образом, это единственный реальный язык евроазиатского трансетнического и трансконтинентального распространения, связывающего Европу с Азией.

3. В мировом масштабе он по-прежнему является одним из языков международного общения.

4. Огромный объём знаний, закодированный и накопленный ранее и кодируемый ныне по-русски, остаётся притягательной силой к его дальнейшему активному использованию как в пределах бывшего СССР, так и в остальном мире.

5. На внероссийском постсоветском пространстве русский язык так или иначе всё ещё остаётся (особенно среди старшего и среднего поколения) средством межнационального (resp. трансетнического) общения – слишком глубокой и многосторонней была практика культивирования языка, с помощью которого успешно

¹ Дуличенко А. Д. Этносоциоллингвистика «перестройки» в СССР: антология запечатленного времени. München: Sagner, 1999. 583 с. (Slavistische Beiträge. Bd. 378).

решались прагматические, духовные и интеллектуальные задачи; никакой другой язык здесь его пока так и не заменил.

6. На внероссийском постсоветском пространстве русский язык в конце XX века перестал быть «главным языком», как это было во времена СССР. И в силу этого в некоторых странах он становится своего рода партнёром утверждённых там государственных языков, хотя процесс этот не так прост. Но мы говорим здесь о наметившейся тенденции. В ряде стран, где официально до сих пор не снято языковое противостояние, до языкового партнёрства, понятно, ещё далеко.

7. Рассеянность (resp. дисперсность) за пределами России русских людей и тех нерусских, для которых русский является родным или же они активно им пользуются, как раз и может служить той основой, которая будет удерживать его и в то же время стимулировать использование. Таким образом, диаспора становится хорошей основой для поддержания и использования русского языка.

8. Языки такого социолингвистического ранга, каким в силу объективных причин является русский язык, несут на себе тяжёлую и ответственную ношу по обеспечению общения как между разноязычными народами самой России, так и за её пределами – прежде всего на постсоветском нероссийском пространстве, а затем и шире. Кажется, пришло время и для осознания тяжести этого социолингвистического бремени, лёгшего на русский язык.

9. Мощная система современных СМИ, особенно телевидения, и компьютерная технология, осуществляющиеся по-русски, связывают русскоговорящих и «русскопонимающих», где бы они ни жили, т. е. речь идёт о непотере, об эффективном сохранении связей, о сближении и т. д. живущих за пределами России с русским языковым и культурным миром.

Хотелось бы обратить внимание на одну тенденцию, наметившуюся с 90-х гг. XX в. и связанную с продвижением русского языка далеко на запад Европы и какой-то мере в Америку. Речь идёт не о

европейском пространстве бывшего «социалистического содружества», где до сих пор, как это ни странно, преобладают преимущественно негативные реакции по отношению ко всем русскому, но о Западной Европе в классическом понимании этого культурно-географического понятия. Дело в том, что туда с 90-х гг. не иссякает поток переселенцев из бывшего СССР, например, в Германию в виде репатриантов немецкого происхождения, в Германию и другие страны – специалистов по новейшим технологиям, рабочих дефицитных профессий, студентов и др. Ныне в странах Западной Европы, по разным оценкам, проживает постоянно или временно более 6 миллионов человек, говорящих по-русски. Следует также учесть и еврейскую диаспору бывшего СССР в несколько сот тысяч человек, которую приняла Германия в качестве компенсации за политику Гитлера в период второй мировой войны.

В рамках Евросоюза, куда на сегодня входят 27 государств, несмотря на прокламируемое равенство всех 27 языков, в реальности лингвистическая ноша лежит на английском языке. Со знанием, например, «равноправных» польского и греческого или, скажем, немецкого и венгерского языков никакой карьеры сделать в Евросоюзе невозможно – с вами просто не будут разговаривать, не будут рассматривать ваши конкурсные документы и т. д. – нужно знать, кроме родного и какого-то другого, ещё и английский. Но и простому гражданину нужно его знать: в Германии, например, в поездах перед каждой станцией объявляют сначала по-немецки, а потом обязательно по-английски; если поезд направляется, например, в Париж, то сначала объявление подаётся на немецком, за тем на французском и тут же непременно на английском.

Какой же это английский? Разумеется, в большинстве своём это наученный, привнесённый в континентальную Европу без носителей, т. е. англо-американцев, язык, потому в последнее время говорят и пишут о рождении новой формы этого языка –

Euroenglish 'евроанглийский', отходящей от британских и американских норм.

Русский язык, напротив, живёт в Европе в большинстве своём не в наученной форме, а в форме живого общения, поскольку его используют, так сказать, «природные» носители. Речь не идёт о какой-то конкуренции между этими языками; мы говорим лишь о различии в некоторых аспектах, связанных с ними.

Какова же перспектива русского языка в Западной Европе? По нашему мнению, живая диаспора из бывшего СССР может стать той основой, благодаря которой в Европе будет удерживаться привнесённый туда русский язык даже при том, что из поколения в поколение его знание будет там ослабевать. Впрочем, учитывая кардинально изменившиеся возможности пересечения границ и облегчение поездов, а также электронные средства связи, можно надеяться на максимальную замедленность такого процесса. Это первое.

Второе связано с его статусом, над которым некоторые европейские учёные задумываются уже сейчас. Выдвигается даже идея о том, что русский язык должен стать одним из языков Евросоюза, так как на нём говорит здесь огромное число людей – более 6 миллионов. Добавим, что в Евросоюзе уже длительное время ведутся дискуссии о том, как решать и решить языковую проблему, не обижая «неанглийские» языки? Выдвигаются разные проекты, и разрабатываются различные модели языкового развития Европы, в том числе и предложения о делении Евросоюза на языковые зоны, – скажем, германскую, романскую и т. д. с выделением для них одного-двух крупных языков для межэтнического общения. Некоторые европейские специалисты, занимающиеся языковым правом, раздумывают над идеей сделать русский язык трансэтническим (или региональным) в пределах славянских стран Евросоюза. Вот некоторые аргументы: славянские языки близки друг к другу, что облегчит изучение русского языка другими славянами; во второй половине XX в. этот язык был широко рас-

пространён среди всех славян, потому такой опыт терять нельзя, и др. Будущее покажет, насколько перспективна эта идея.

Над приведёнными социолингвистическими аргументами следует ещё, как нам кажется, серьёзно поразмыслить. А что касается внутриязыкового аспекта современного русского языка, то, кроме в целом не столь опасной для нас регионализации (за которой всё же необходимо следить), нужно обратить внимание на интенсивный процесс его англо-американизации, выражающийся не только в лексических заимствованиях, но и отражающийся на русской фонетике (ср. «завывания» некоторых московских дикторов и ведущих на радио и телевидении на английский манер) и частично на грамматике. В монографии «Русский язык конца XX столетия»¹ мы назвали симптомы появления такого гибрида в некоторых изданиях специальными терминами – *интеррусский язык* или *русангл* (ср. «евроанглийский» в Западной Европе и др.).

В XIX в. русский язык страдал от галлицизмов, в веке XX – от англицизмов. В 1873 г. Н. С. Лесков в повести «Захудалый род» рассказал, как бабушка-помещица (рассказчица, от лица которой идёт повествование) не любила ездить из своего поместья в Санкт-Петербург: там, мол, все и всё по-французски, а по-русски и поговорить-то не с кем! Наконец, она всё же выбралась навестить обучавшуюся там в институте благородных девиц свою дочь. Преподнося подарок гувернантке, заботливо ухаживавшей за дочерью, в ответ от последней она услышала: «Позвольте, ваше высочество, вашу ручку *померсикать*!» Бабушка обиделась и руки ей не подала... Не придётся ли со временем и нынешним носителям русского языка *сэнкъяюкать* друг друга за что-либо?...

Статья поступила в редакцию 13.11.2019 г.

¹ Дуличенко А. Д. Русский язык конца XX столетия. München: Otto Sagner, 1994. 347 с. (Slavistische Beiträge. Bd. 317).

ЛИТЕРАТУРА

1. Дуличенко А. Д. Основы славянской филологии. Том II. Лингвистическая проблематика. Opole: Uniwersytet Opolski, 2011. 640 с.
2. Дуличенко А. Д. Введение в славянскую филологию: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2015. 720 с.
3. Кондрашов Н. А. Славянские языки. М.: Учпедгиз, 1956. 199 с.
4. Кондрашов Н. А. Осип Максимович Бодянский. М.: Издательство Московского университета, 1956. 87 с.
5. Кондрашов Н. А. Людовит Штур и формирование словацкого литературного языка (к столетию со дня смерти) // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 25. М.: Издательство АН СССР, 1958. С. 16–22.
6. Кондрашов Н. А. Роман Федорович Брандт. М.: Издательство Московского университета, 1963. 68 с.
7. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Ч. I. История языкознания. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1972. 173 с.
8. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Ч. II. Проблемы языкознания и методы изучения языка. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1974. 171 с.
9. Кондрашов Н. А. Лингвистическое и методическое наследие И. И. Срезневского: учебное пособие. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1979. 72 с.
10. Кондрашов Н. А. Терминология и проблема языкового пуризма // Географические и хронологические пределы распространения русского лексики: Межвузовский сборник научных трудов. М.: Типография имени Ю. А. Гагарина, 1980. С. 3–9.
11. Кондрашов Н. А. Лингвистические взгляды В. Н. Татищева и язык его произведений: спецкурс. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1985. 69 с.
12. Кондрашов Н. А. Основные этапы калькирования в истории русского языка // Вопросы исторической семантики русского языка: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград: КГУ, 1989. С. 100–106.
13. Никитин О. В. Проблемы изучения языка русской деловой письменности в научных воззрениях В. В. Виноградова // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 113–127.
14. Никитин О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 195–228.
15. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (к 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. № 5. С. 81–89.
16. Пражский лингвистический кружок: сборник статей / составление, редакция и предисловие Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. 558 с.
17. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс: Универс, 1995. 797 с.
18. Шахматов А. А. О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию // Московский журнал. История государства Российского. 1999. № 9. С. 21–28.

REFERENCES

1. Dulichenko A. D. *Osnovy slavyanskoi filologii. Tom II. Lingvisticheskaya problematika* [The Foundation of Slavic Philology. Vol. II. Linguistic issues]. Opole, Uniwersytet Opolski Publ., 2011. 640 p.
2. Dulichenko A. D. *Vvedenie v slavyanskuyu filologiyu* [Introduction to Slavic Philology]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2015. 720 p.
3. Kondrashov N. A. *Slavyanskijeazyki* [Slavic languages]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 199 p.
4. Kondrashov N. A. *Osip Maksimovich Bodyanski* [Osip M. Bodyansky]. Moscow, Moscow State University Publ., 1956. 87 p.
5. Kondrashov N. A. [Ludovit Stur and the formation of a Slovak literary language (to century from the date of death)]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta slavyanovedeniya. Vip. 25* [Brief reports of Institute of Slavic Studies]. Moscow, USSR Academy of Science Publ., 1958, pp. 16–22.
6. Kondrashov N. A. *Roman Fedorovich Brandt* [Roman Fedorovich Brandt]. Moscow, Moscow State University Publ., 1963. 68 p.
7. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie. Ch. I. Istoriya yazykoznaniiya* [General linguistics. Part I. The History of linguistics]. Moscow, Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute, 1972. 173 p.

8. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie. Ch. II. Problemy yazykoznaniiya i metody izucheniya yazyka* [General linguistics. Part II. Problems of linguistics and methods of language learning]. Moscow, Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute, 1974. 171 p.
9. Kondrashov N. A. *Lingvisticheskoe i metodicheskoe nasledie I. I. Sreznevskogo* [Linguistic and methodological legacy of I. Sreznevsky]. Moscow, Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute, 1979. 72 p.
10. Kondrashov N. A. [Terminology and the problem of linguistic purism]. In: *Geograficheskie i khronologicheskie predely rasprostraneniya russkoi leksiki: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [The geographical and chronological limits of the spread of the Russian language: inter-university collection of scientific works]. Moscow, Tipografiya imeni Yu. A. Gagarina Publ., 1980. pp. 3–9.
11. Kondrashov N. A. *Lingvisticheskie vzglyady V. N. Tatishcheva i yazyk ego proizvedenii* [Linguistic views of V. Tatishchev and the language of his works]. Moscow, Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute, 1985. 69 p.
12. Kondrashov N. A. [The main stages of tracing in the history of the Russian language]. In: *Voprosy istoricheskoi semantiki russkogo yazyka: Mezhvuzovskii tematicheskii sbornik nauchnykh trudov* [Issues of historical semantics of the Russian language: the inter-university thematic collection of scientific papers]. Kaliningrad, Kaliningrad State University Publ., 1989. pp. 100–106.
13. Nikitin O. V. [Problems of learning the language of Russian business writing in the scientific views of V. Vinogradov]. In: *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language], 1999, no. 2, pp. 113–127.
14. Nikitin O. V. [Forgotten Pages of Russian Lexicography of the 1920s (background of the “Ushakovsky Dictionary”)]. In: *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2004, no. 1 (7), pp. 195–228.
15. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
16. Kondrashov N. A., comp. and ed. *Prazhskii lingvisticheskii kruzhok* [The Prague linguistic circle]. Moscow, Progress Publ., 1967. 558 p.
17. Trubetskoi N. S. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. M.: Progress, Univers Publ., 1995. 797 p.
18. Shakhmatov A. A. [On the state tasks of the Russian people in connection with the national tasks of the tribes inhabiting Russia]. In: *Moskovskii zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [Moscow Journal. History of Russian Government], 1999, no. 9, pp. 21–28.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дуличенко Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор-эмеритус Тартуского университета;
e-mail: aleksd@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandr D. Dulichenko – Doctor of Philological Sciences, Professor-emeritus University of Tartu;
e-mail: aleksd@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дуличенко А. Д. Русский язык: покидая XX век (из наблюдений социолингвиста) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 74–84.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-74-84

FOR CITATION

Dulichenko A. D. Russian: leaving the 20th century (from observations of a linguist). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp. 74–84.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-74-84